

Г.С. Абдирайымова 

Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан, г. Алматы

e-mail: gulmira.abdiraimova@kaznu.kz

КАЗАХСТАНСКОЕ ОБЩЕСТВО В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ ГЛУБИННОГО ИНТЕРВЬЮ И ФОРМАЛИЗОВАННОГО ОПРОСА ЭКСПЕРТОВ)

Социальная структура казахстанского общества переживает интенсивный процесс преобразований. Социально-экономическая политика последних десятилетий в стране, а также влияние глобальных трендов оказали влияние на изменения социальной структуры в Казахстане. Пандемия и постпандемийный период добавили новое в изменение социальной стратификации, и вокруг новых производственных отношений начали возникать социальные классы и слои, отличные от традиционных обществ. В статье на основе глубинного интервью и формализованного опроса экспертов показано, что расстояние и подвижность между слоями могут значительно различаться, в зависимости от субъективной стратификации через ценности и культуры общества, экономической и политической систем и многих других факторов. Это и многое приведет к формированию новой социальной структуры, трансформирующей традиционные системы социального обеспечения, функция которой снижение остроты бедности и расслоения и регулирование распределения доходов. Основной дискурс современных исследований социальной структуры и стратификации ограничиваются концептуальными дискуссиями о социальных классах. Недостаток количественных и качественных исследований социальной стратификации, отсутствие доступных репрезентативных данных ограничивают комплексный и многоуровневый подходы в изучении. В статье на основе проведенного исследования установлено, что казахстанское общество стратифицировано в различных формах по абстрактным или конкретным критериям.

Ключевые слова: социальная структура, общества, стратификация, модернизация, измерение.

G.S. Abdiraimova

Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan, Almaty

e-mail: gulmira.abdiraimova@kaznu.kz

Kazakhstan society in the sociological dimension (based on the results of an in-depth interview and a formalized expert survey)

The social structure of Kazakh society is undergoing an intensive process of transformation. The social and economic policies of recent decades in the country, as well as the impact of global trends, have influenced changes in the social structure in Kazakhstan. The pandemic and the post-pandemic period have added a new dimension to the change in social stratification, and social classes and strata different from traditional societies have begun to emerge around new production relationships. The article, based on the in-depth interview and formalized survey of experts, shows that the distance and mobility between the layers can vary significantly, depending on the subjective stratification through the values and culture of society, Economic and political systems and many other factors. This and other things will lead to a new social structure that transforms traditional social security systems that are designed to reduce poverty and stratification and to regulate income distribution. The main discourse of contemporary research on social structure and stratification is limited to conceptual discussions about social classes. The lack of quantitative and qualitative studies of social stratification and the lack of available representative data limits the complex and multi-level approaches in the study. In the article based on the conducted study, it is established that the Kazakh society is stratified in various forms by abstract or specific criteria.

Key words: social structure, society, stratification, modernization, measurement.

Г.С. Әбдірайымова

Әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті, Қазақстан, Алматы қ.
e-mail: gulmira.abdiraimova@kaznu.kz

Қазақстан қоғамы әлеуметтанулық өлшемде (терең сұхбат және сарапшылардың формалданған сауалнама нәтижелері бойынша)

Қазақстандық қоғамның әлеуметтік құрылымы қарқынды құрылымдану процесін бастан кешіруде. Еліміздегі соңғы онжылдықтардағы әлеуметтік-экономикалық саясат, сондай-ақ әлемдік трендтер Қазақстандағы қоғамдық құрылымның өзгеруіне әсер етті. Пандемия және постпандемиядан кейінгі кезең әлеуметтік стратификацияға жаға өзгерістер әкелді, жаңа өндірістік қатынастардың айналасында дәстүрлі қоғамдардан өзгешеленетін әлеуметтік таптар мен қабаттар пайда бола бастады. Тереңдетілген сұхбат пен сарапшылардың ресми сауалнамасына негізделген мақалада қабаттар арасындағы арақашықтық пен жылжу қоғамның құндылықтары мен мәдениеттері, экономикалық және саяси жүйелер және басқа да көптеген факторлар арқылы көрінетін субъективті стратификацияға байланысты айтарлықтай өзгеруі мүмкін екенін көрсетілді. Осы және басқа да жағдайлар әлеуметтік қамсыздандырудың дәстүрлі жүйелерін түрлендіретін жаңа құрылымның қалыптасуына әкеледі, оның қызметі кедейшілік пен әлеуметтік жіктелуді азайту және табыстарды бөлуді реттеу болып табылады. Қазіргі заманғы әлеуметтік құрылым мен стратификацияны зерттеудің негізгі дискурсы әлеуметтік таптар туралы концептуалды пікірталастармен шектеледі. Әлеуметтік стратификацияның сандық және сапалық зерттеулерінің жетіспеушілігі, қолжетімді репрезентативті деректердің болмауы зерттеудің кешенді және көп деңгейлі тәсілдерін шектейді. Мақалада жүргізілген зерттеу негізінде қазақ қоғамының абстрактілі немесе нақты критерийлер бойынша әртүрлі формада жіктелетіндігі анықталған.

Түйін сөздер: әлеуметтік құрылым, қоғам, стратификация, модернизация, өлшеу.

Введение

Структурные изменения за последнее десятилетие в Казахстане привели к существенным преобразованиям, которые изменили социальные отношения и фреймы. Для подобных изменений есть много причин, таких как глобализация, пандемия, социальные, политические и экономические тенденции в стране и в мире. Взгляд на стратификацию в Казахстане показывает неоднозначные процессы, связанные с расслоением и неравенством в обществе. На встрече с представителями крупного бизнеса президент Токаев К.К. отметил тенденции глубокого социального неравенства в стране, которые привели к недопустимому уровню «разрыва между богатыми и бедными. По данным международных экспертов, в частности KPMG, 162 человека в нашей стране владеют половиной ее состояния. В то время как у половины населения доходы не превышают 50 тысяч тенге. Это чуть больше 1.3 тысячи долларов в год» (Токаев, 2022). Эти данные свидетельствуют о том, что классовые различия скорее растут, чем стираются. Кризис в области социальной политики и здравоохранения, связанный с COVID-19, выявил некоторые виды социального неравенства, характерные для казахстанского общества: неравенство в отношении здоровья, работы и жилья, а также в

сфере образования и использования цифровых технологий. Изоляция вынудила домохозяйства вернуться в собственные дома неравных размеров и качеств. Сфера труда стала также крайне неравной: многие профессии, в том числе самые низкооплачиваемые, сильно пострадали от пандемии, в то время как другие профессии в удаленном режиме работы оказались более стабильными и защищенными. В то же время кризис не оказал воздействие на перебалансировку в распределении домашних обязанностей в период самоизоляции. Спад экономической активности оказал влияние на занятость самых временных работников и краткосрочных контрактов. Мелкие самозанятые (особенно в сфере торговли и общественного питания) и микро-предприниматели оказались в прямой зависимости от сложившейся ситуации.

Если рассматривать социальные изменения в структуре общества и их сдвиги за последние годы, то можно отметить, что расслоение не ограничивалось только социально-экономическими различиями. Кризис также выявил территориальные расхождения и возрастное неравенство, когда доступность медицинских услуг была неравномерной для городских и сельских территорий и тогда, когда пожилые люди подвергались наибольшему риску в оценке тяжелых случаев и смертности. Понимание того, как се-

годня устроено казахстанское общество, требует выявления основных факторов структуризации и иерархизации социального пространства. Для изучения системы социальной стратификации общества необходимо исследовать, как в нем организовано неравенство, то есть понять, что не все индивиды имеют одинаковый доступ к набору материальных или символических благ, обладающих «стоимостью» с точки зрения наиболее распространенных коллективных убеждений в том или ином обществе.

Данное исследование выдвигает ряд исследовательских задач по анализу количественных и качественных изменений социальной структуры казахстанского общества. Оценка стратификационных моделей и социальной структуры, выявление их специфики и влияния на развитие казахстанского общества и человеческого капитала является основной целью исследования. В статье представлены некоторые результаты глубинного интервью и экспертного формализованного опроса относительно сложившейся модели социальной структуры в Казахстане и тенденциях ее дальнейшей трансформации, а также паттернов субъективного благополучия.

Как показывают современные сравнительные исследования, социальная структура в основном относится к организованным отношениям между основными компонентами социальной системы. Эти структуры существуют во всех обществах, независимо от их языка или любой культурной изменчивости. Социальная структура понимается как распределение населения по социальным критериям в многомерном пространстве ранжирования. Некоторыми важными чертами казахстанской социальной структуры являются наличие сложного общества, с социально-дифференцированным экономическим неравенством, культурным разнообразием, мультикультурализмом и другое.

Полученные результаты обосновывают несколько взаимосвязанных положений о социальной структуре: 1) казахстанское общество характеризуется процессом социальной стратификации и дифференциации; 2) преобладание статусно-центрической ценностной ориентации; 3) появление псевдо- среднего класса, который по критериям культурного капитала и кода можно отличить от реального среднего класса; 4) идентификация с конкретным социальным классом на основе субъективной оценки.

Литературный обзор

Социальная структура подвержена значительным изменениям: с точки зрения того, как меняется сама социальная реальность, либо научного взгляда и интерпретаций исследователей на эту реальность. Социальные изменения могут быть медленнее или быстрее. Глобальные процессы, в том числе пандемия COVID-19, возникшая довольно внезапно, привели к тому, что профессиональная деятельность и личная жизнь стали больше смешиваться, в том числе из-за увеличения количества работы в домашнем офисе. Иногда коррективы в измерении социально-структурных характеристик также могут быть вызваны правовыми изменениями.

Измерение социального положения является ключевым методологическим аспектом изучения социальной стратификации и неравенства. В этой структуре необходимо выделить некоторые важные различия. Традиционное различие между неравенством возможностей и неравенством условий имеет тенденцию скрывать центральный вопрос социальной структуры (профессиональная и/или классовая структура, гендерная стратификация и т. д.) (Breen, Jonsson, 2005). Только социальная структура дает полный смысл упомянутым измерениям стратификационных исследований: анализ неравенства возможностей в основном означает анализ механизмов, распределяющих индивидов по социальным позициям, составляющим социальную структуру.

Социальный класс представляет собой определенную форму системы стратификации, которая описывает, как люди интерпретируют неравенство и располагают себя и других в социальном порядке. Grusky выделяет три важных фактора, лежащих в основе систем стратификации: (1) институциональные процессы; (2) правила распределения; (3) механизмы мобильности. Как только системы стратификации установлены, они остаются в силе благодаря неравенству распределения между людьми, социальному положению, биологическим признакам, позволяющим проводить классификацию, и сильным корреляциям между определенными людьми и их уровнями (Grusky, 1994).

Многомерный подход к стратификации, предложенный М. Вебером, позволяет уточнить анализ социальных классов Маркса. Согласно Веберу, в любом обществе различается три вида иерархий, соответствующих экономическому, социальному и политическому порядку, которые

в совокупности образуют фундаментальную социальную стратификацию: «классы, статусные группы и партии являются феноменом распределения власти». Эти три реальности соответствуют трем порядкам: (1) класс определяется экономическим порядком, т.е. «способом распределения и использования товаров и услуг»; (2) статус определяется социальным порядком, т.е. «способом распределения престижа в сообществе»; (3) партия по политическому заказу (т.е. «способ конкуренции за контроль над государством»). Таким образом, класс – это только одно из измерений социальной стратификации.

Chauvel предлагает перечень критериев, позволяющих операционализировать понятие социального класса, унаследованное от социологической традиции. «Определение, имплицитно присутствующее среди социологов, желающих иметь эмпирические критерии, может быть сделано эксплицитным, определение, которое имеет то преимущество, что выходит из многих апорий. Мы будем говорить о социальных классах для тех категорий, которые неравномерно расположены и представлены в производственной системе; отмечены сильной классовой идентичностью, из которых можно указать несколько модальностей: (1) темпоральная идентичность, т.е. постоянство категории, непроницаемость для внутри- и межпоколенческой мобильности, отсутствие пористости к матримониальным обменам с другими категориями (гомогамия); (2) культурная идентичность, т.е. совместное использование конкретных символических отсылок, образов жизни и способов ведения дел, позволяющих взаимно узнавать друг друга; (3) коллективная идентичность как способность действовать коллективно, конфликтно, в политической сфере, чтобы добиться признания единства класса и его интересов (Chauvel, 2019).

Объективный социальный класс можно рассматривать как длительный доступ (или исключение) к критическим ресурсам (Kraus, Piff, Mendoza-Denton, 2012). Другими словами, мы можем думать о классе как о том, «как люди зарабатывают свои деньги, сколько денег у них есть или что они делают со своими деньгами» (Hout, 2008). Наиболее распространенными объективными показателями социально-экономического статуса являются занятия (Erikson, Goldthorpe, 1992; Langsæther, 2019), доход (Bartels, 2008; Leighley, Nagler, 2007) и образование (Bartels, 2006). Обзор научной операционализации социального класса в организационных ис-

следованиях показывает, что более 67% показателей социального класса учитывают один из этих трех основных объективных показателей: занятие, образование и доход (Loignon, Woehr, 2018). Напротив, только 5% показателей относятся к субъективному классу.

Субъективный класс отражает ранговое ощущение своего положения в экономической иерархии (Kraus, Tan, Tannenbaum, 2013). Bourdieu (1984) предполагает, что статус это символический аспект классовой структуры, который выходит за рамки чисто экономических отношений. Такое субъективное ощущение статуса может подтолкнуть мнения к перераспределению и другие идеологические взгляды, которые оправдывают эти позиции (Brown-Iannuzzi et al., 2015). Следовательно, субъективный класс может предоставить нам содержательную информацию о социально-политических ориентациях и поведении респондентов. Предыдущие исследования классовой идентичности показывают, что граждане склонны видеть себя в середине социальной шкалы независимо от своего материального положения (Bellani et al., 2021; Evans, Kelley, 2004). Это особенно достоверно в богатых странах, где граждане с меньшей вероятностью идентифицируют себя как «низший класс» (Andersen, Curtis, 2012). Важно отметить, что классовая идентичность, выражаемая респондентами, обусловлена задаваемым им вопросом. Когда они задают вопрос о субъективном классе, в подавляющем большинстве анкет используются закрытые вопросы. Классовая идентичность, выраженная в закрытых и открытых вопросах, широко варьируется: в открытых вопросах респонденты с меньшей вероятностью идентифицируют себя как рабочий класс и с большей вероятностью идентифицируют себя как средний класс (Hout, 2008). Напротив, закрытые вопросы побуждают респондентов обозначать определенные классы (возможные ответы, из которых они должны выбирать), что может повлиять на выбор респондентами относительного положения. В частности, вероятность идентификации как низшего класса, вероятно, будет зависеть от имени, используемого для его определения (например, низший класс или рабочий класс), и количества категорий, включенных в схему классов.

Отсутствие стандартной классификации социальных страт в опросных листах приводит к различным схемам классов для измерения субъективного класса. Некоторые включают три ка-

тегории (которые, в свою очередь, могут включать подкатегории): высший, средний и низший класс. Некоторые заменяют рабочий класс более низким, в то время как другие включают как низший, так и рабочий класс в качестве отдельных категорий, как в «Обзоре мировых ценностей» или «Европейском исследовании выборов». Поскольку респонденты чувствительны к тому, как задается вопрос, разные обозначения классов, используемые в анкетах, могут привести к существенно разным образцам ответов (Hout, 2008).

Влияние различных объективных показателей на ценностные ориентации имеет тенденцию проявляться параллельно. Например, Welzel находит квазиуниверсальную модель, предполагающую, что эмансипативные ценности более выражены среди белых воротничков, чем среди рабочих, больше среди людей с высокими доходами, чем среди лиц с низкими доходами, и больше среди людей с низким доходом. университетское образование, чем среди людей с низким уровнем образования или без образования (Welzel, 2013). В то же время не все объективные индикаторы одинаково влияют на политические предпочтения или поведение при голосовании: доход раскалывает граждан по экономическому измерению (Romero-Vida, Hauwaert, 2021), в то время как образование разделяет граждан по неэкономическому измерению.

Расхождение между субъективными и объективными социальными позициями, или, как его называли, «несоответствие статуса», хорошо известно, но недостаточна представлена в социологической литературе (Hout, 1968). Hout объясняет такую статусную неоднозначность несовершенной корреляцией между доходом, образованием и профессией. Однако очень немногие эмпирические исследования, посвященные этой теме, исследуют, почему и как формируется диссонанс. Единственным исключением является, анализируя взаимосвязь между субъективным социальным статусом и голосованием среди американцев (Sosnaud et al., 2013). В этом исследовании авторы обнаружили, что около половины американцев имеют согласованную статусную идентичность, в то время как около одной трети имеют «искаженное восприятие» (самооценка статуса ниже объективного статуса) и около 17% имеют «завышенное восприятие» (статус по самооценке выше объективного статуса). Используя несоответствие между объективным и субъективным статусом в качестве зависимой переменной для соответствия мульт-

ти-логистических моделей данным, они обнаружили, что раса и образование тесно связаны с несоответствием статуса.

Концептуальный анализ социальной стратификации во многом зависит от изучения экономического и социального неравенства, социальной и субъективной стратификации. В обществах, где социальная идентичность людей в большей степени имеет проявление профессиональной идентичности, совершенно очевидным будет доминирование в этой структуризации всех показателей социально-экономического положения (доход, уровень и качество жизни и другие). Таким образом, социально-профессиональная категория представляется ключевой переменной для понимания различий в поведении и практиках. Лежащая в основе постулирование того, что группы индивидов с объективно сопоставимыми характеристиками (с точки зрения условий труда и обучения) имеют все шансы на выработку общих социальных практик (досуг, потребление и т. д.) именно потому и являются продуктом социальных условий, в которых они живут.

Социальная стратификация относится к системе с предсказуемыми правилами ранжирования людей и групп, которые теории социальной стратификации призваны раскрыть и понять. Существование системы социальной стратификации также предполагает некоторую форму легитимации ранжирования людей и неравного распределения власти, услуг и престижа. Без систем убеждений, обосновывающих неравенство и несоизмеримое ранжирование, маловероятно, что система стратификации останется стабильной с течением времени.

Информация о том, как люди относят себя к определенной иерархии социальных классов, необходима для формирования общей картины макроструктуры социального неравенства. И прежде всего, для понимания того, как отдельные лица и группы занимают свое социальное положение по сравнению с другими и субъективно оценивают свое положение. В то же время получения подобных исследований формируют выводы о том, с какой точки зрения – как те, кто находится в большей или меньшей степени – они действуют в обществе и участвуют в социальной, экономической и политической жизни.

Исследования субъективной стратификации в структуре определенной страты или идентификации с различными социальными слоями, длительное время использовались для анализа

социальной структуры (Schäfers, 1997), где основное внимание уделяется анализу структуры неравенства в обществе и оценке собственного положения в нем людей. Этот анализ не обязательно должен во всех случаях совпадать с выводами о структуре социального неравенства и распределении статуса, поскольку они получены на основе объективных показателей, таких как категории профессионального положения, образования или дохода. На основе данных о субъективной стратификации можно сравнивать не только положение отдельных групп в обществе, но также – с исследовательской точки зрения – целые общества в их фактическом или предпочтительном распределении (Evans, Kelley, Kolosi, 1992). Наряду с объективно существующими моделями стратификации общества имеет место быть субъективной стратификации, отражающей представления индивидов о том, какое место в обществе, в соотношении с другими его членами, они занимают (Тихонова, 2018).

Более того, субъективная реальность, формирующаяся на основе самооценок людьми своего статуса и их представлений о моделях стратификации общества, в котором они живут, в большей степени может оказывать влияние на их социальное самочувствие и поведение, нежели чем на уровень их жизни. Вопрос о субъективной стратификации принадлежит к классическому репертуару социологических исследований и является одним из наиболее часто используемых индикаторов социального класса. Он восходит к исследованиям стратификационного анализа и, в частности, к соответствующим идеям К.Маркс, М.Вебер, Э.Дюркгейм и символических интеракционистов. Это нашло отражение в трудах феноменологически осведомленных социологов, таких как Шютц, Бергер, Лукманн и Хольцнер, американского психолога Richard Centers и впервые был использован в Германии в 1950-х годах в исследованиях немецких ученых (Janovitz, Moore, Kleining, 1959).

Методология исследования

Центром бизнес-информации, социологических и маркетинговых исследований BISAM Central Asia в ноябре 2021 года по заказу Инсти-

тута философии, политологии и религиоведения МОН РК было проведено исследование с применением формализованного опроса и глубинного интервью представителей экспертного сообщества, направленных на получение экспертной оценки по вопросам характера изменений социальной структуры в Казахстане. В исследовании приняли участие эксперты по вопросам общественного развития от 30 лет и старше, имеющие стаж работы по специальности не менее 5 лет. В целях комплексного изучения вопросов социального развития Казахстана целевая аудитория была разделена на соответствующие категории.

Формализованный опрос экспертов проводился в технике персонального онлайн интервьюирования (CAWI). Глубинное интервью с представителями экспертного сообщества было осуществлено посредством специализированной платформы ZOOM. География опроса включала города республиканского значения (Алматы, Нур-Султан, Шымкент), а также 14 областных центров.

Всего в исследовании приняли участие 50 представителей экспертного сообщества: в рамках формализованного опроса – 40 человек и глубинных интервью – 10 человек. Язык проведения интервью: казахский/русский. Средняя продолжительность интервью: 40–60 минут. К участию в исследовании приглашались эксперты по вопросам социального развития – мужчины и женщины, от 30 лет и старше, имеющие стаж работы по специальности не менее 5 лет. В целях всестороннего изучения вопросов целевая аудитория была разделена на соответствующие категории.

Результаты и обсуждение

В ходе исследования на вопрос об происходящих изменениях в социальной структуре казахстанского общества – 32.5% признали, что социальная структура казахстанского общества подвергнута значительным качественным и количественным трансформациям; еще столько же (32%) отметили, что происходящие процессы связаны, в большей степени, с «индивидуализацией», «плюрализацией стилей жизни», «социальной средой» и «новым социальным неравенством» (рисунок 1).

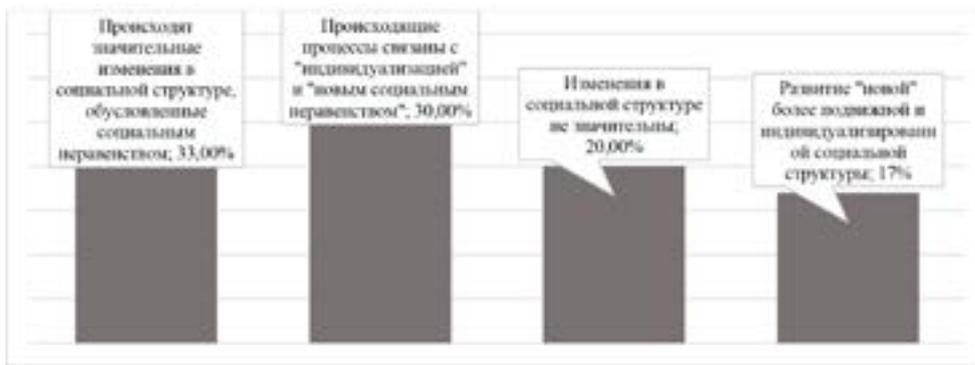


Рисунок 1 – Ответы экспертов на вопрос «Как бы Вы оценили процессы, происходящие в социальной структуре казахстанского общества?»

Все социальные изменения и преобразования казахстанского общества складываются в общее понимание, отражающего некий баланс и, следовательно, поиск общей модели объяснения подобных изменений. Основные охватываемые области относятся к макросоциальным категориям, институтам, промежуточным группам, социальным практикам, их моделям и правилам. Таким образом, нами была попытка охватить большую часть того, что могло повлиять в течение последних лет, на отдельных лиц или социальных групп, институционализированных или нет, принадлежащих к одному и тому же или различным сообществам. Другие измерения, в контексте изменения ценностей, международных отношений, политических решений, особенно социальных и экономических условий, влияние которых на преобразования казахстанского общества не является нейтральным, имеют место быть в анализе структуры.

«Я так полагаю, что все процессы, которые протекают в обществе, они «зеркалят» все новые процессы, которые происходят у нас в политической и экономической системах. То есть, они есть отражение как внутреннего состояния развития государства, так и внешне политических, конечно, факторов. То есть, сегодня Казахстан – это такое открытое государство. Мы себя заявляем таковыми. Тем более, мы участвуем в различных интеграционных объединениях, в том числе в региональных. ШОС, к примеру, или ЕврАзЭС. Поэтому, конечно, социальная структура изменяется согласно всем тем трендам, которые происходят как вообще на всем мировом пространстве. Так и под влиянием внутренних факторов. И вот наша социальная структура, социальная структура нашего общества – она тоже изменяется. И

изменяется она также быстро, как изменяется все происходящее вокруг нас». (Информант 1, представитель научного сообщества).

Почти все исследования домохозяйств и мезо- или макроэкономические анализы в настоящее время подчеркивают появление нового среднего класса со средними доходами выше уровня бедности, что позволяет им удовлетворять свои потребности, получать располагаемый доход сверх обязательных расходов и инвестировать хотя бы небольшие суммы. Согласно полученным данным большинство информантов отмечают для себя позитивные тенденции, связанные с образованием среднего класса в стране.

«Социальная структура нашего сегодняшнего казахстанского общества. Она, конечно, развивается и подвержена изменениям. Под влиянием вот тех экономических факторов, политических факторов. Она гораздо разнообразнее, нежели была 10 лет, тем более, 30 лет... И я, например, однозначно могу сказать, что происходит социальная дифференциация страт и устройства общества. Она, конечно, намного усложненной. Потому что как бы ни говорили о том, что средний класс отсутствует. Он есть и сам уже дифференцируется. Понимаете, у нас средний класс и его можно соотнести по разным показателям. По уровню доходов, по уровню образования, по социальному статусу. Это классические представители среднего класса. Например, врачи и преподавательский состав, учителя. Но по доходам они не... Их нельзя соотнести, например, со средним классом, представляющим малый и средний бизнес, к примеру, в Европе» (Информант 1, представитель научного сообщества).

Согласно мнению экспертов, казахстанское общество с точки зрения критериев социально-

го расслоения представляют собой (1) модель, в котором неравенство структурировано социальными классами и слоями (50% – да; 45% – воз-

можно); (2) Модель «угасания» старых классов и развития новых классов интеллектуалов и менеджеров (50% – да; 35% – возможно).

Таблица 1 – Мнения экспертов по вопросу «Что представляет собой казахстанское общество сейчас с точки зрения модели стратификации (системы критериев социального расслоения)?»

| Модели | Да | Возможно | Нет |
|---|-------|----------|-------|
| Модель, в котором социальное неравенство структурировано социальными классами/социальными слоями | 50% | 45% | 5% |
| Модель стратификации, сопровождающаяся ростом неравенства и процессами усиления поляризации и сегментации | 42.5% | 47.5% | 10% |
| Модель «новой казахстанской бедности» и растущими регионами бедности | 42.5% | 40.0% | 17.5% |
| Модель «растущего достатка» и появления новых неформальных групп | 30% | 45% | 25% |
| Модель «угасания» старых классов и развития новых классов интеллектуалов и менеджеров | 42.5% | 50.0% | 7.5% |
| Модель дифференциации "новых богатых" и "новых бедных" | 50% | 35% | 15% |

В ходе глубинных интервью экспертами были высказаны предположения о том, что люди с одним и тем же уровнем дохода могут самоидентифицировать себя с представителями различных групп и слоев. С точки зрения большей части экспертов, одним из основных факторов,

определяющим стратификационную систему является экономический критерий, основу которой является уровень доходов, владение собственностью и возможность осуществлять самостоятельно хозяйственную деятельность (25%) (рисунок 2).



Рисунок 2 – Предположения экспертов о характере изменений казахстанской стратификационной системы

«Социальная структура очень дифференцирована. Она, как зеркало, отражает все процессы, которые внутренние процессы, внутри казахстанские. И отражают те внешние факторы, которые влияют на Казахстан – экономические, политические и прочие. Казахстанский социум сегодня он разнообразен. Возьмем, к примеру, один страт – молодежь. Смотрите, насколько она сегодня дифференцирована. То

есть, нельзя провести какую-то унификацию. Сама молодежь, возьмем, к примеру, возраст от 18 до 23 лет. Насколько она разнообразна. Это и представители студенчества. Соответственно, мы их сразу соотносим со средним классом, имеющим определенный доход, которые имеют право к доступу получения высшего образования. Среди этой же молодежи этой же возрастной группы мы видим и достаточ-

ное количество представителей, не имеющих доступ к получению высшего образования. Но тут еще такой нюанс наметился. Это интересная тенденция. На самом деле сейчас не все зависит только лишь от того, могут ли мои родители оплачивать учебу в университете или нет. Сейчас очень многие молодые люди сознательно после окончания школы идут на работу» (Информант 3, представитель научного сообщества).

Один из исследовательских вопросов исследования касался изучения тенденций и социальных изменений структуры казахского аула. Результаты формализованного опроса не выявили существенных различий, поскольку разница выбранных ответов в процентном соотношении практически отсутствует. Анализ глубинных интервью подтвердил мнения большинства экспертов формализованного опроса о том, что ситуация на сегодняшний день достаточно сложная, проявляющаяся в глубокой трансформации аула, в особенности ее отдаленных территорий. В качестве возможных эффективных инструментов улучшения текущей ситуации эксперты рассматривают меры, направленные на развитие сельского хозяйства, животноводства и наращивания производства мясной продукции.

«Все это ведет, к сожалению, к разрушению целой огромной страты – жителей аулов. То есть, сельские жители, аульные жители, они находятся под вот таким... Они действительно находятся в тяжелом положении. Потому что происходит процесс постиндустриализации и это все влияет. Но дело в том, на самом деле, Казахстан, по сути. С чем он может выйти на международную арену? Я вот так полагаю, что автомобили лучше, чем японцы и немцы придумали, уже не будет, к примеру. Тягаться с ними в области высоких технологий – это из мира фантастики на данный момент. С чем Казахстан может выйти на международный рынок, помимо тех ресурсов, которые у нас есть? Как можно еще диверсифицировать экономику и спасти социальную структуру тех же самых сельских жителей? Развитие агропромышленного комплекса. И мы же климатически и географически. Ну, во всех, инфраструктурно, абсолютно. Нам Бог дал саму возможность развивать это все именно у нас в Казахстане. Возьмите Аргентину, к примеру. Всем известная мраморная говядина, которая, кстати, поставляется и в Казахстан в лучшие рестораны. Но

при этом мы можем, учитывая тренды сегодня – экологическая продукция. Борьба с коррупцией на местах. Развивать местное самоуправление, вот это тоже поможет» (Информант 3, представитель научного сообщества).

Заключение

В сценарии, характеризующемся глобальными и ускоренными социальными изменениями, изучение социальной структуры и классов считается важной социологической задачей. Новые формы социальной организации сосуществуют со старыми, размывая слои, формирующие наше общество. Любые социальные изменения в Казахстане можно определить как трансформации, которые происходят в структуре общества на уровне индивидуума, группы или сообщества, и как правило, начинают с состояния А, приводят к состоянию Б. Состояние связано с изменениями в структуре населения Казахстана, его внутренней и внешней миграции; в семьях и домохозяйствах; в политической системе, правовых институтах и системах государственного управления; в экономической системе: структуре собственности, производства, торговле; в образовании и обучении, культуре, церкви и религиозных общинах; различных формах расселения, такие как села и города, включая транспортную и энергетическую инфраструктуру; в информационно-коммуникационных системах, их развертывания на всех уровнях социального действия как основы «сетевое общества»; характерных изменениях классовой и социальной структуры, социальной среды и социального неравенства.

Анализ исследования показывает, что по мнению большинства информантов, происходящие процессы трансформации в социальной структуре обусловлены социальным неравенством и растущей дифференциацией в доходах населения, а также процессами, связанными с индивидуализацией и плюрализацией. Результаты в оценке изменений социальной структуры казахского аула, не дали существенных различий в ответах формализованного опроса и глубинных интервью, поскольку разница ответов в процентном соотношении отсутствует.

Превалирующее большинство экспертов полагает, что в Казахстане не сформировался средний класс и ожидания относительно его роли в обществе не оправданы. Традиционно выдвигается ряд различных аргументов об особой эконо-

мической роли среднего класса. В одном случае из него формируется слой новых предпринимателей, создающий рабочие места и рост производительности для остального общества. Другой аргумент, исходит из того, что средний класс в первую очередь является источником важных ресурсов и их ценности, способствуют накоплению человеческого капитала. Третье мнение, делает акцент на укреплении стандартов среднего класса, чей спрос на качественные потребительские товары подпитывает инвестиции в производство.

Казахстанское общество характеризуется несогласованной социальной динамикой. В частности, в межпоколенческом сравнении можно выделить поразительные линии развития: между фазой становления и падением реального соци-

алистического общества, повлекшей за собой реверсирование и проектами социально-политической конверсии и исторических событий последних десятилетий. Здесь отчетливо мы видим вызов и ответ в виде экономического кризиса, кризиса доминирования, проблемы управления и множественных попыток ее решения. Как показали трагические январские события в нашей стране, это лишь усугубило противоречивые дилеммы структурного ее развития.

Данная статья подготовлена в рамках финансирования Комитета науки МОН РК (Грант №BR10965263 «Социальная модернизация казахстанского общества: идейно-мировоззренческие основания, концептуальные модели, социокультурные процессы, социально-политические технологии»).

Литература

- Andersen R., Curtis J. The Polarizing Effect of Economic Inequality on Class Identification: Evidence from 44 Countries // *Research in Social Stratification and Mobility*. –2012. –№30 (1). – P. 129–141.
- Bartels L.M. Unequal Democracy: The Political Economy of a New Gilded Age. –Princeton: Princeton University Press. – 2018. – 398p.
- Bartels L.M. What's the Matter with What's the Matter with Kansas? // *Journal of Political Science*. –2006. –№1 (2). –P. 201–226.
- Bellani L., Bledow N., Busemeyer M.R., Schwerdt G. When Everyone Thinks They're Middle Class: Perceptions of Inequality and Why They Matter for Social Policy. – Policy Paper. – 2021. – №6.
- Brown-Iannuzzi J.L., Lundberg K.B., Kay A.C., Payne B.K. Subjective Status Shapes Political Preferences // *Psychological Science*. – 2015. – №26 (1). – P.15–26.
- Evans M., Kelley J., Kolosi T. Images of Class: Public Perceptions in Hungary and Australia, 1992. – P. 461–482.
- Kraus M.W., Piff P.K., Mendoza-Denton R., Rheinschmidt M.L., Keltner D. Social Class, Solipsism, and Contextualism: How the Rich are Different from the Poor // *Psychological Review*. – 2012. – №119 (3). – P.546–572.
- Kraus M.W., Piff P.K., Mendoza-Denton R., Rheinschmidt M.L., Keltner D. Social Class, Solipsism, and Contextualism: How the Rich are Different from the Poor // *Psychological Review*. – 2012. – №119 (3). – P.546–572.
- Loignon A.C., Woehr D.J. Social Class in the Organizational Sciences: A Conceptual Integration and Meta-Analytic Review // *Journal of Management*. – 2018. – №44 (1). – P.61–88.
- Romero-Vidal X., Van Hauwaert S. M. Polarisation between the rich and the poor? The dynamics and structure of redistributive preferences in a comparative perspective // *International Journal of Public Opinion Research*. – 2021. –№21 (2). – P.303-325.
- Schäfers B. Politischer Atlas Deutschland. Gesellschaft, Wirtschaft, Staat. – Bonn: J.H.W. Dietz, 1997. – 128 p.
- Тихонова Н. Модель субъективной стратификации российского общества и ее динамика // *Вестник общественного мнения*. – 2018. – № 1–2 (126). – С.17-29.
- Токаев К-Ж.К. Выступление на встрече с представителями бизнеса (21 января 2022г.). Доступно по ссылке: <https://akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-vstrechu-s-predstavatelyami-otechestvennogo-biznesa-2103845>.
- Chauvel L. La dynamique de la stratification sociale. Les mutations de la société française. Les grandes questions économiques et sociales // *La Découverte*. – 2019. -P.41-67.
- Welzel C. Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation. –New York: Cambridge University Press, 2013. – 472 p.
- Hout M. How Class Works: Objective and Subjective Aspects of Class Since the 1970s / In Social Class. How Does It Work. – New York: Russell Sage Foundation. – 2018. – P.218-226.
- Hout M. Social Class: How Does It Work? – New York: Russell Sage Foundation, 2008. – 388p.

References

- Andersen R., Curtis J. (2012) The Polarizing Effect of Economic Inequality on Class Identification: Evidence from 44 Countries. *Research in Social Stratification and Mobility*, no 30 (1), pp.129–141.
- Bartels L.M. (2018) Unequal Democracy: The Political Economy of a New Gilded Age. Princeton: Princeton University Press, 398p.

- Bartels L.M. (2006) What's the Matter with What's the Matter with Kansas? *Journal of Political Science*, no 1 (2), pp. 201–226.
- Bellani L., Bledow N., Busemeyer M.R., Schwerdt G. (2021) When Everyone Thinks They're Middle Class: Perceptions of Inequality and Why They Matter for Social Policy. Policy Paper, no 6.
- Brown-Iannuzzi J.L., Lundberg K.B., Kay A.C., Payne B.K. (2015) Subjective Status Shapes Political Preferences. *Psychological Science*, no 26 (1), pp.15–26.
- Chauvel L. (2019) La dynamique de la stratification sociale. Les mutations de la société française. Les grandes questions économiques et sociales. *La Découverte*, pp.41-67.
- Evans M., Kelley J., Kolosi T. (1992) Images of Class: Public Perceptions in Hungary and Australia, pp. 461–482.
- Hout M. (2018) How Class Works: Objective and Subjective Aspects of Class Since the 1970s. / In *Social Class. How Does It Work*. New York: Russell Sage Foundation, pp.218-226.
- Hout M. (2008) *Social Class: How Does It Work?* New York: Russell Sage Foundation, 388p.
- Kraus M.W., Piff P.K., Mendoza-Denton R., Rheinschmidt M.L., Keltner D. (2012) Social Class, Solipsism, and Contextualism: How the Rich are Different from the Poor. *Psychological Review*, no 119 (3), pp.546–572.
- Kraus M.W., Piff P.K., Mendoza-Denton R., Rheinschmidt M.L., Keltner D. (2012) Social Class, Solipsism, and Contextualism: How the Rich are Different from the Poor. *Psychological Review*, no 119 (3), pp.546–572.
- Loignon A.C., Woehr D.J. (2018) Social Class in the Organizational Sciences: A Conceptual Integration and Meta-Analytic Review. *Journal of Management*, no 44 (1), pp.61–88.
- Romero-Vidal X., Van Hauwaert S. M. (2021) Polarisation between the rich and the poor? The dynamics and structure of redistributive preferences in a comparative perspective. *International Journal of Public Opinion Research*, no 21 (2), pp.303-325.
- Schäfers B. (1997) *Politischer Atlas Deutschland. Gesellschaft, Wirtschaft, Staat*. Bonn: J.H.W. Dietz, 128 p.
- Tikhonova N. (2018) Model' sub'ektivnoj stratifikacii rossijskogo obshchestva i ee dinamika [The model of subjective stratification of Russian society and its dynamics]. *Bulletin of Public Opinion*, no 1–2 (126), pp.17-29. (In Russian)
- Tokaev K-Zh.K. (2022) Vystuplenie na vstreche s predstavitelyami biznesa [Speech at a meeting with business representatives]. Available at the link: <https://akorda.kz/ru/glava-gosudarstva-provel-vstrechu-s-predstavitelyami-otechestvennogo-biznesa-2103845>. (In Russian)
- Welzel C. (2013) *Freedom Rising: Human Empowerment and the Quest for Emancipation*. New York: Cambridge University Press, 472 p.